

К 90-ЛЕТИЮ БОРИСА АЛЕКСАНДРОВИЧА РЫБАКОВА

А. В. Чернецов

3 июня 1998 г. исполняется 90 лет крупнейшему российскому историку и археологу, академику Борису Александровичу Рыбакову.

Первая статья ученого, посвященная раскопкам вятических курганов, была опубликована в стеклографическом издании студенческих работ 70 лет назад; в Институт археологии РАН (тогда еще Институт истории материальной культуры АН СССР) Б. А. Рыбаков приходит более 60 лет назад, в 1936 г., и с 1956 по 1988 г., т. е. более трех десятилетий, возглавляет это ведущее научное учреждение страны. Время директорства Б. А. Рыбакова было не только исключительно продолжительным, но и плодотворным для развития нашей науки. Конечно, беспрецедентный размах археологических исследований и ярчайшие вспышки новаторских идей и концепций середины 60—80-х гг. XX в. не могут считаться заслугой одного человека, пусть даже такого яркого и высокоодаренного, инициативного и волевого, как Б. А. Рыбаков. Но так или иначе, Борис Александрович, в высшей степени не случайная фигура во главе российской археологии тех лет, он является одновременно и порождением этой поры великих свершений, и, во многом, ее творцом. Новое поколение российских археологов, дети эпохи очередного «великого перелома», не могут не оглядываться назад, в прошлое, с определенным ностальгическим чувством, поскольку становится все яснее, что эпоха крупнейших достижений и по-настоящему значительных личностей остается позади, и, быть может, очень надолго.

Многое в биографии и трудах Б. А. Рыбакова может показаться совершенно непонятным новым поколениям ученых — настолько быстро и радикально менялась атмосфера в научной среде нашей страны. Могу только засвидетельствовать, что ситуация и обстановка в Институте археологии в 60—70-х гг. и сегодня отличается самым разительным образом. Что же касается событий, скажем, 30-х гг., то, оценивая их, современный критически мыслящий интеллигент может допустить самые наивные промахи. По этой причине представляется более правильным попытаться нарисовать общую картину творческой биографии Бориса Александровича, не претендуя на оценку каждого его шага в контексте соответствующих эпох.

Я помню Б. А. Рыбакова с начала 60-х гг., точнее — с 1962 г., когда мне, еще школьнику, довелось услышать его увлекательный доклад о черняховских сосудах с календарными знаками. Звучный, хорошо поставленный голос, безупречный литературный язык без столь распространенной искусственности, канцеляризма, наукообразия, ложного глубокомыслия и, главное, очевидная увлеченность докладчика той проблемой, о которой он рассказывает, производили сильнейшее впечатление. Было очевидно, что в большом великолепном зале, перед многочисленной аудиторией Борис Александрович чувствует себя в своей стихии, что он прекрасно владеет искусством привлекать внимание слушателей. В дальнейшем, слушая Б. А. Рыбакова — лектора, работая под его руководством в экспедициях, я не мог не ощущать его исключительного обаяния, главным секретом которого, как мне кажется, было сильнейшее искреннее увлечение предметом своих научных изысканий.

Может показаться, что внимание, уделяемое здесь характеристике темперамента и эмоционального облика Бориса Александровича, не вполне соответствует жанру «похвалы ученому». Ведь наука — это прежде всего *ratio*, а не *intuitio*. На мой взгляд, это не совсем так. Для того, чтобы в тех условиях сдви-

нуть с места воз своей науки, скованной цепями консерватизма и апатии, нужны были исключительные усилия, которым просто неоткуда взяться, если они не будут «подпитываться» подлинной страстностью темперамента, если ключевой фигуре движения будет не хватать «пассионарности». Напомню, что Аполлон Григорьев, горестно размышляя о судьбах современной ему российской словесности, главной надеждой считал А. Н. Островского, меланхолически прибавляя «в нем только нет, к сожалению, примеси африканской крови к нашей великорусской». В жилах Б. А. Рыбакова течет именно такая горячая кровь, и это питает его научную деятельность, одухотворяет его идеи, обуславливает многие особенности его жизни и творчества, определяет способность Бориса Александровича к горячим спорам, жесткой критике и, порой, враждебности, умение увлекаться и разочаровываться, иногда быть пристрастным и всегда — неравнодушным. Атмосфера горения, которую создавало присутствие Б. А. Рыбакова, не всегда могла быть удобна для его окружающих и подчиненных. И все же именно это горение и страстность представляются мне важнейшим живительным импульсом научной жизни, тем импульсом, недостаток которого неизбежно ведет к застою.

Говоря о крупном человеке, как-то не хочется ограничиваться анкетными данными о его официальной карьере. Хотелось бы попытаться понять истоки его научных интересов, знаний и таланта, охарактеризовать среду, из которой он вышел, для того, чтобы оценить как соотносятся между собой его происхождение и последующие достижения.

Б. А. Рыбаков занимает в этом отношении своеобразное положение. Научные кадры в его время формировались в основном из двух социальных групп. С одной стороны, это были молодые люди из «бывших», в значительной мере из профессорской среды, с другой — всевозможные выдвиженцы. Каждая группа была носителем достаточно специфического стереотипного набора социально-психологических признаков и культурного багажа.

В этом плане Б. А. Рыбаков стоит несколько особняком. Он, конечно, выходец из образованной среды. Его отец А. С. Рыбаков был до революции директором Старообрядческого института. Старообрядчество — народная оппозиция господствующей церкви, своеобразный народный нонконформизм с ярко выраженным национальным характером. Кроме того, старообрядчество — очень колоритный этнографический феномен, законсервировавший многие черты древнерусской культуры и быта. Б. А. Рыбаков в ранние годы жил в окружении этой «древнерусской» обстановки; так, в его семье по наследству передавался расшитый кокошник допетровского времени. Средневековая Русь была «фамильярно» знакома ученому с детства; важно, что он с годами ее не возненавидел, а сохранил к ней теплое отношение, как к своему кровному, родному. И, конечно, существенно, что Б. А. Рыбаков родился не в рядовой старообрядческой семье, а связан с сознательной частью, интеллектуальной элитой русских раскольников.

Поступив в 1926 г. на историко-этнографический факультет ИМГУ, Б. А. Рыбаков учился у крупнейшего русского археолога В. А. Городцова и таких историков, как Ю. В. Готье, М. К. Любарский, С. В. Бахрушин. Круг интересов молодого ученого включал как археологию, так и историю средневековой Руси. Уже в студенческие годы он пишет серьезные работы, которые вскоре были опубликованы. Это статья «Воинствующие церковники XVI в.» и его работа «Радимичи», опубликованная в 1932 г. на белорусском языке, позднее защищенная как кандидатская диссертация. Работа о радимичах, наряду с опубликованной двумя годами ранее монографией А. В. Арциховского, посвященной вятичам, явились важным вкладом в разработку славяно-русской проблематики. Молодые ученые, опираясь на идеи А. А. Спицына, выступают как зачинатели нового этапа изучения и осмысления отечественных древностей.

Порой приходится слышать суждения о Б. А. Рыбакове как о типичном порождении советского строя, его официальной идеологии. Между тем научные интересы молодого Б. А. Рыбакова не соответствовали духу времени. Тогда интерес к отечественным древностям отнюдь не одобрялся, казался идеологичес-

ки подозрительным. Патриотические чувства пробуждаются у советского руководства главным образом в послевоенное время, когда страна испытывала естественное для народа-победителя ощущение подъема. То, что с этим подъемом по времени совпадает расцвет творчества Б. А. Рыбакова, не могло быть им предугадано в 20—30-е гг.

Служебная деятельность молодого Б. А. Рыбакова была довольно многообразна. В условиях тех лет людям часто приходилось менять место работы, совмещать службу в разных учреждениях. После окончания МГУ Б. А. Рыбаков успел побывать на военной службе, работал в Александровском окружном музее и в Архиве Октябрьской революции. В 1931—1938 и 1943—1948 гг. Борис Александрович работает в Государственном Историческом музее. Здесь для будущего крупного ученого открывались перспективы роста: этому способствовали и богатые коллекции, и квалифицированный состав сотрудников музея. Борис Александрович любит рассказывать о первых впечатлениях от музея: казалось невероятным после комсомольской молодости в университете у самых стен Кремля обнаружить тихое пристанище культурных людей со старорежимными привычками, целовавших дамам ручки и беседовавших по-французски. Для выходца из староверческой семьи, прошедшего детский дом и Московский университет 20-х гг., это было очередным открытием окружающего мира в его реальной многоликости, непосредственное соприкосновение с прошедшим, как будто уже похороненным.

Вообще как человек увлеченный и талантливый, Б. А. Рыбаков всегда умел как-то использовать любой житейский опыт на пользу основной творческой деятельности. Казалось бы, что полезного может вынести начинающий историк и археолог с военной службы. Но Борис Александрович, которому «посчастливилось» служить в качестве кавалериста при артиллерийской части, не раз вспоминал будни военной службы, когда вычислял возможную протяженность дневных переходов конницы, исследуя боевые действия на русско-половецком пограничье; изучая древнерусское оружие, задавался вопросом, реально ли использование способа кавалерийской рубки, имея в руке средневековый русский меч.

Уже говорилось, что в 1936 г. Б. А. Рыбаков поступает на работу в ИИМК (будущий Институт археологии РАН), а в 1939 г. начинается его многолетняя преподавательская деятельность в МГУ (вообще же он впервые приходит работать в вуз еще в 1933 г.).

Внешняя сторона успехов Б. А. Рыбакова в общих чертах рисуется следующим образом. После получения в 1949 г. Государственной премии Б. А. Рыбаков становится деканом исторического факультета МГУ (1951—1952 гг.), а в 1952—1954 — проректором университета. В 1952—1963 гг. Б. А. Рыбаков — заведующий кафедрой истории СССР феодального периода. Избранный в 1953 г. членом-корреспондентом АН СССР, Борис Александрович становится в 1956 г. директором Института археологии. В 1958 г. его избирают действительным членом Академии наук. В 1967—1973 гг. Б. А. Рыбаков исполняет обязанности заместителя академика-секретаря Отделения истории АН СССР, а в 1973—1975 гг. является академиком-секретарем Отделения. В 1969—1971 гг. академик Б. А. Рыбаков, наряду с Институтом археологии, возглавляет также Институт истории АН СССР.

Деятельность Б. А. Рыбакова была отмечена рядом правительственных наград. Он награжден орденом Трудового Красного знамени (1945), двумя орденами Ленина (1968 и 1971). В 1976 г. Б. А. Рыбаков был удостоен Ленинской премии за цикл работ по истории русской культуры X—XVI вв., опубликованных в 1963—1974 гг. В 1978 г. Борису Александровичу было присвоено звание Героя Социалистического труда.

В довоенные годы Б. А. Рыбаков уделяет значительное внимание изучению новгородских древностей. Он участвует, наряду с А. В. Арциховским, в раскопках на Славне и публикует интересную статью о делении новгородской земли на сотни. В последней работе Б. А. Рыбаков выступает как знаток исторической

географии — направлении, получившем значительное развитие в его дальнейшем творчестве.

В 1939 г. была опубликована важная работа Б. А. Рыбакова «Анты и Киевская Русь», посвященная предыстории Киевского государства. Это также проблема, к которой Б. А. Рыбаков будет обращаться еще не раз. Борис Александрович выступает как зачинатель разработок, которые в дальнейшем завершатся такими достижениями отечественной археологии, как, например, хронологическая система А. К. Амброза.

В 1942 г. в эвакуации в Ашхабаде была защищена докторская диссертация Б. А. Рыбакова «Ремесло древней Руси». Значение работы было в полной мере оценено лишь после ее выхода из печати в 1948 г. За эту книгу Б. А. Рыбаков в 1949 г. был удостоен Государственной (Сталинской) премии, с ее выходом связано и избрание Бориса Александровича в 1953 г. членом-корреспондентом АН СССР.

«Ремесло древней Руси» в каком-то смысле главная книга Б. А. Рыбакова. Это результат кропотливого сбора материалов и напряженной исследовательской работы. Б. А. Рыбаков выступает здесь и как исследователь средневековой технологии, географии сбыта ремесленной продукции, и как специалист в области эпиграфики и многих других специальных вопросов. В «Ремесле древней Руси» как ключевой работе Бориса Александровича в виде своеобразных эмбрионов присутствуют замыслы позднейших монографий и направлений исследований ученого. Здесь рассеяно множество интереснейших мыслей и наблюдений о происхождении славян, их языческой религии, древностях эпохи Великого переселения народов и многое другое. Очень интересна аргументация автора в пользу существования в средневековой Руси цеховой организации.

Книга Б. А. Рыбакова явилась крупнейшим шагом вперед в области изучения древнерусского ремесленного производства. Она способствовала развитию многочисленных специальных исследований отдельных ремесел (черная и цветная металлургия и металлообработка, стеклоделие, обработка дерева и др.). То, что «Ремесло древней Руси» вызвало такую бурную реакцию (в конечном счете приведшую к существенному пересмотру многих положений Б. А. Рыбакова) — лучшая похвала вкладу Бориса Александровича в разработку проблемы.

В 1959 г. была опубликована статья Б. А. Рыбакова «К вопросу о методике определения хронологии новгородских древностей». Это было начало весьма острой полемики с А. В. Арциховским, отстаивавшим довольно примитивный подход к стратиграфии. Когда-то этот спор живо переживала вся археологическая общественность, разделившаяся на своеобразные «команды болевщиков». Сейчас мы можем смотреть в прошлое гораздо спокойнее и ясно видим, что главным результатом спора явилось оперативное создание Б. А. Колчиным абсолютной дендрохронологической шкалы Новгорода — крупнейшее достижение послевоенной славяно-русской археологии. Человеческие аспекты этой полемики, личные амбиции, вероятно, игравшие не последнюю роль — все это отошло в далекое прошлое; мы сегодня констатируем главное: это был тот спор, в котором родилась истина, спор, приведший к крупнейшему открытию. Сейчас узкие новгородские датировки, основанные на дендрохронологии являются наиболее надежной основой для хронологии всех древнерусских городов, а в значительной мере и курганных древностей.

После публикации «Ремесла древней Руси» в библиографическом списке Б. А. Рыбакова долго не появляются новые книги. Между тем это годы интенсивной научной работы — и полевой, и кабинетной. Многие важнейшие идеи и разработки ученого в это время отразились в написанных им главах и разделах коллективных обобщающих трудов. Это «История культуры древней Руси» (1948 и 1951, работа отмечена Государственной премией 1952 г.), первый и третий тома «Истории русского искусства» (1953, 1955), два тома «Очерков истории СССР» (1953, 1958), первый том истории СССР с древнейших времен (1956), третий том «Всемирной истории» (1957). В эти же годы выходит ряд специальных исследований Б. А. Рыбакова, посвященных, например, сфрагистике и метрологии.

В 1963 г. выходит из печати очередная монография Б. А. Рыбакова «Древняя Русь. Сказания, былины, летописи». Это не археологическое исследование, хотя и посвященное все тому же периоду, который привлекает основное внимание ученого. Здесь впервые в развернутом и концентрированном виде представлены собственные исторические разработки исследователя, его занимает не только фактологическое изучение прошедшего, но и осмысление народом своего прошлого через призму поэзии. Б. А. Рыбаков — прекрасный знаток летописных текстов, умеющий с их помощью почувствовать эпоху. Он умело выявляет в составе летописи переписку князей; выделяет летописный текст, который может быть связан с киевским боярином Петром Бориславичем. Чрезвычайно интересна полемика Б. А. Рыбакова с крупнейшим фольклористом В. Я. Проппом об историзме русских былин. В самой общей форме и по большому счету правота на стороне Б. А. Рыбакова: русские былины — это несомненно памятники народного осмысления отечественной истории, проявление национального самосознания.

В 1964 г. из печати выходит научно-популярная книга Б. А. Рыбакова «Первые века русской истории». Это не первый опыт Бориса Александровича в подобном жанре. Свободное владение как устным, так и письменным словом, умение выступать и перед специалистами, и перед неподготовленной аудиторией — качества, с молодых лет присущие Б. А. Рыбакову. И все же эта «книжка небольшая» заслуживает специального упоминания как единственный в своем роде сжатый, яркий и притом доступный широким читательским кругам очерк ранней истории Руси.

В том же 1964 г., в основанной Б. А. Рыбаковым серии «Археология СССР. Свод археологических источников» выходит его монография «Русские датированные надписи XI—XIV вв.». Начало разработки этой темы относится еще к довоенным временам. Тогда, в 1936 г. вышла книга академика А. С. Орлова «Библиография русских надписей XI—XV вв.». Почтенный литературовед, очень уважаемый ученый, видимо, не мог себе представить, что в тогдашней России найдется еще один ученый, не в меньшей мере владеющий подобными материалами. Пространная рецензия еще очень молодого по академическим меркам Б. А. Рыбакова, который чуть ли ни на треть увеличил список известных надписей на вещах, была серьезной заявкой на лидерство в этой области. Конечно же, Б. А. Рыбаков не мог обойти вещи с датирующими надписями при работе над «Ремеслом древней Руси». И все же необходим был отдельный систематизированный свод с разработкой специальных вопросов палеографии. Эталонное значение материалов, собранных в своде, для значительного круга исследователей очевидно. Как и многие другие работы Б. А. Рыбакова, этот свод инициировал продолжение работ в данном направлении. В 1971 г. в той же серии выходит работа Т. В. Николаевой «Произведения русского прикладного искусства с надписями XV — первой четверти XVI в.». Своеобразным продолжением свода 1964 г. является цикл исследований А. А. Медынцевой.

Нельзя не отметить, что едва ли не основная часть памятников, собранных в своде, непосредственно связана с проблематикой церковной археологии, само существование которой как научного направления не признавалось тогдашней официальной наукой. Тем не менее работы в этой области велись, и здесь весьма значителен вклад самого главы советских археологов-славистов — Б. А. Рыбакова. Здесь и археологические исследования древних храмов, и анализ надписей-граффити на их стенах, и отдельных, чисто церковных памятников (например, мощевика нижегородской княгини Марии 1410 г.). Неслучайна и действенная поддержка, которую Б. А. Рыбаков оказывал таким исследователям, как Г. К. Вагнер и Т. В. Николаева.

В 1971 г. из печати выходит монография «Слово о полку Игореве» и его современники». Вместе с вышедшей в следующем году книгой «Русские летописцы и автор «Слова о полку Игореве» это исследование представляет собой развернутое отражение взгляда Б. А. Рыбакова на «Слово о полку Игореве» и его эпоху. В значительной мере это ответ на попытку А. А. Зимины поставить под

сомнение подлинность важнейшего памятника древнерусской литературы. Перед нами своеобразное развитие того жанра историко-литературоведческого эссе, который нам уже знаком по книге «Древняя Русь. Сказания, былины, летописи». Глубокое погружение Б. А. Рыбакова в культурный контекст изучаемой эпохи, его колоссальная эрудиция и внимание к деталям обуславливают значительный интерес к этим книгам как специалистов, так и менее подготовленных читателей.

В том же году был опубликован альбом «Русское прикладное искусство X—XIII вв.». Вместе с более ранними работами (раздел в «Истории культуры древней Руси» и глава «Прикладное искусство великокняжеской Москвы» в третьем томе «Истории русского искусства») он отражает большой и яркий вклад, сделанный Б. А. Рыбаковым в изучение этой проблемы. И в этом случае работы Бориса Александровича открывают серию специальных разработок, существенно продвинувших вперед изучение вопроса.

С совершенно новой стороны открывается творчество Б. А. Рыбакова в его монографии 1974 г. «Русские карты Московии XV — начала XVI вв.». Интерес исследователя к исторической географии сформировался задолго до выхода этой книги. Вместе с тем, здесь впервые он продемонстрировал владение обильным западноевропейским картографическим материалом, умение видеть за ним первоисточники информации о территории нашей страны.

В 1979 г. из печати выходит монография Б. А. Рыбакова «Геродотова Скифия». И здесь на первый взгляд ученый выходит за пределы первоначального круга своих интересов. Но только на первый взгляд. Обращение к этногеографии Геродота уже много лет занимало Б. А. Рыбакова в связи с его давними изысканиями в области славянского этногенеза.

В 1981 и 1987 гг. выходят две книги Б. А. Рыбакова, посвященные славянскому язычеству («Язычество древних славян» и «Язычество древней Руси»). Это отражение давних и глубоких научных интересов исследователя. Б. А. Рыбаков углубляется в изучение первобытных верований людей каменного века, ранних индоевропейцев и прослеживает преемственность ряда элементов культуры вплоть до фольклорных текстов и крестьянских вышивок XIX в. Представления исследователя о «двоверном», полуязыческом характере даже элитарной княжеско-боярской культуры домонгольской Руси разделяются далеко не всеми специалистами; вместе с тем, собранные и остроумно интерпретированные Б. А. Рыбаковым материалы заставляют нас считаться с существованием такой, основательно проработанной версии истории культуры древней Руси. Исключительная эрудиция автора и неординарный подход к решению сложных задач привлекают внимание к этим исследованиям не только в нашей стране, но и за рубежом. Неслучайно появление парижского издания «Язычества древних славян» на французском языке в 1994 г.

Опубликованная в 1992 г. монография «Киевская Русь и русские княжества XII—XIII вв.» позволяет в деталях ознакомиться с концепцией автора, общие очертания которой были изложены в популярной книге «Первые века русской истории», а также в его разделах в коллективных обобщающих изданиях.

Вышедшая в следующем 1993 г. книга Б. А. Рыбакова «Стригольники. Русские гуманисты XIV в.» посвящена изучению средневековых еретических движений. Надо сказать, что эта тема — большое место в отечественной историографии. Дело в том, что после 1955 г., когда вышла известная монография Н. А. Казаковой и Я. С. Лурье (страдавшая серьезными недостатками, во многом обусловленными тогдашней эпохой), не было сделано существенного вклада в изучение этого интереснейшего культурно-исторического феномена. Для Б. А. Рыбакова эта тема неслучайна, он касался ее уже в тексте «Ремесла древней Руси», а также в опубликованной в 1976 г. статье «Стригольнические покаянные кресты»; с темой борьбы господствующей церкви с ересями была связана и одна из первых работ ученого о «воинствующих церковниках XVI в.».

В этой статье, конечно, невозможно дать полную характеристику всего научного наследия Б. А. Рыбакова. Достаточно сказать, что перед нами по су-

шеству энциклопедический очерк всей средневековой русской истории и культуры, причем исследователю удалось отразить в публикациях свои взгляды с удивительной полнотой. Это чрезвычайно важно для объективной оценки творчества Бориса Александровича — его непросто уличить в том, что он что-то недосказал, или упустил, или не до конца объяснил. Когда такое счастливое стечение обстоятельств касается столь крупной научной величины, как Б. А. Рыбаков, это большая удача для следующих поколений ученых.

Помимо печатных изданий с именем Б. А. Рыбакова связан ряд полевых исследований. Это, в частности, работы в Гочеве, подмосковном Звенигороде, Чернигове, Вщиже, Тьмутаракани, Любече, Витачеве, Путивле, Белгороде Киевском, Александрове. Основанная в значительной мере на результатах собственных исследований научно-популярная статья Б. А. Рыбакова «Стольный город Чернигов и удельный город Вщиж» в книге «По следам древних культур. Древняя Русь» (1953) содержит в зачаточном виде постановку проблемы о специфике «малого» города средневековой Руси — темы, серьезно занимавшей исследователя в течение многих лет. Интереснейшие материалы раскопок в Любече, незаурядный подход к методике исследования архитектурных сооружений, который мне довелось наблюдать в Белгороде и Александрове, свидетельствуют о профессиональном мастерстве Б. А. Рыбакова в области полевых работ. К сожалению, далеко не все материалы раскопок Б. А. Рыбакова нашли достаточно подробное отражение в публикациях.

Наиболее сложная материя — характеристика Б. А. Рыбакова как организатора науки. Не владея в должной мере информацией об обстановке, лимитировавшей деятельность как самого Бориса Александровича, так и возглавляемого им Института, трудно объективно оценить его достижения или недоработки. Ограничусь лишь констатацией факта: со временем директорства Б. А. Рыбакова связан наивысший подъем деятельности Института — и в смысле размаха, и в смысле уровня, и, что с этим тесно связано — авторитета Института. Но в конце этого периода начался постепенный упадок Института, продолжающийся и в настоящее время. Ясно, что это связано не с конкретными поступками руководителей, а с общей ситуацией в стране. Б. А. Рыбаков в свое время значительно увеличил численный состав Института; определил его в основном сохраняющуюся до сих пор структуру. Как директор головного Института Б. А. Рыбаков очень либерально относился к научному «сепаратизму» как союзных республик, так и сибирскому или ленинградскому — авторитет Института попыток чему-то учить исследователей из стран народной демократии. С именем Б. А. Рыбакова связано возникновение ряда авторитетных научных серийных изданий, таких как многотомная «Археология СССР» (ныне «Археология»), «Археологические открытия» и, к сожалению, прекратившееся издание «Сводов археологических источников». Б. А. Рыбаков как директор Института был, несомненно, авторитарным руководителем. Но в этом он был сыном своего времени; при этом, будучи человеком чутким, Борис Александрович умел чувствовать веления времени, и его стиль руководства существенно изменялся в течение десятилетий. Давая сотрудникам задания, Борис Александрович порой был склонен идеалистически преувеличивать их возможности и мог в дальнейшем достаточно резко выражать свое недовольство. Не могу не отметить, что сформировавшись как научный лидер по существу еще в сталинскую эпоху, Б. А. Рыбаков не боялся принимать в Институт на работу ученых, вернувшихся из заключения. Такой подход отнюдь не был общим правилом в академических институтах гуманитарного профиля.

Мысленно возвращаясь в ушедшие годы, мы не можем не испытывать некоего комплекса неполноценности, и не только в связи с сокращением возможностей проведения полевых работ, но и в связи с тем, что в нашей среде не так уж много остается крупных ученых, отмеченных печатью неповторимой индивидуальности. Именно эта печать заставляет представителей других поколений смотреть на Б. А. Рыбакова с живым интересом, почтением и некоторой завистью.

Поздравляя Бориса Александровича Рыбакова с круглой датой, хочется пожелать ему крепкого здоровья, новых замыслов и свершений.